

Ху Пэй, лениво позевывая, поднялся по ступенькам в экипаж Чао Цо. Заметив протянутую ему увесистую глиняную крынку, он слегка повел носом:

— Неужто каша с курицей от госпожи Чао?

Чао Цо лишь сердито фыркнул:

— Разбежался! Не знаю уж, чем твой батюшка моего опоил, но тот ни свет ни заря поднял матушку с постели — только бы она сварила тебе каши. Еще и мне строго-настрого запретил притрагиваться... Мужик вроде, а капризов — как у девицы на выданье.

Ху Пэй тихонько усмехнулся. Этот негромкий, бархатистый смешок заставил Чао Цо мгновенно вспыхнуть пунцовым, хотя сам виновник этого не заметил.

Ху Пэй аккуратно забрал горшочек, достал ложку из стоявшего рядом ларца с припасами и налил дымящуюся кашу в пиалу. Неторопливо зачерпывая ее маленькой ложечкой, он заговорил:

— Нет во мне никаких капризов. Обычное людское недопонимание.

Чао Цо с трудом совладал с собой и, нервно теребя пухлыми пальцами край одеяния, проворчал:

— И это ты называешь «нет капризов»?

— Ну, разве что ленив самую малость. Впрочем, через декаду это мнение переменится. А то, что ты принимаешь за причуды — лишь естественное стремление порядочного мужа блюсти чистоту и держаться от соблазнов подальше.

Договорив, Ху Пэй прищурился, одарив приятеля едва уловимой, лукавой полуулыбкой.

Чао Цо мгновенно бросило в жар, и он вскинулся:

— Это на что ты намекаешь? Хочешь сказать, я себя не блюду?

— А как же то семейство конюших...

— Ладно, ладно! Ешь уже свою кашу, — сдался Чао Цо, чувствуя, что проиграл.

От этого ядовитого пройдохи доброго слова не дождешься — ляпнет такое, что вовек не отмоешься. Лучше уж помалкивать.

Выскочив из ворот усадьбы Ху, Ху Ян проводил взглядом удаляющийся экипаж Чао Цо и ошеломленно пробормотал под нос:

— Дождь пойдет — небо не удержишь, девка на выданье — в доме не запрешь... Неужто Сяо Цзю и впрямь переродился?

Ху Линь, пряча ладони в просторные рукава, почтительно улыбнулся:

— Шестой молодой господин, мой хозяин просил передать: нечего вам в повозку Чао садиться, тут и идти-то нечего. Полезно для крепости богатырского тела, да и соседям будет на кого любоваться.

— Ишь ты!.. — Ху Ян уставился на слугу, который, вежливо поклонившись, скрылся за воротами. Парень подбочился в полном недоумении: — Это что еще за новости? Я что, по-твоему, доходяга какой? Тьфу, ерунда какая-то. Не сяду — и больно надо.

— Шестой брат, может, в мою коляску сядешь? — Восьмая барышня усадьбы Ху, Ху Юньшань, одетая в бирюзовое одеяние под легкой дымкой шелковой накидки, грациозно переступила порог. Она с улыбкой дождалась, пока слуги подкатят выезд старой госпожи. — Брат, поедем вместе?

— Ну уж нет. Мы прямо у ворот, если отец или старший дядя заметят — шкуру спустят, розгами задерут. — Ху Ян недовольно фыркнул и зашагал прочь своей дорогой.

Ху Юньшань звонко рассмеялась:

— Глупый шестой брат.

Она поднялась в повозку, но стоило показаться экипажу соседей — семейства Фань, — как барышня пересела к ним, и они вместе покатали к Государственному университету.

По дороге Фань Иньцы, сидевшая в том же экипаже, спросила подругу:

— Твой шестой брат отказался ехать с тобой?

— Оставь его, Иньцы. Дома у нас одни старые хрычи да закоснелые праведники. Всё твердят про заветы клана Сюаньюань, который некогда мечом и конфуцианством Поднебесную покорил. Мол, путь пешком — это закалка духа. Мужчинам положено ходить своими ногами, — Ху Юньшань ласково похлопала подругу по руке.

Фань Иньцы недовольно надула губки:

— Но почему тогда вашего Ху Цзю то слуга на закорках носит, то он в карету Чао втискивается? И ведь никто ему слова поперек не скажет!

— Ну, тут дело другое. Ху Пэй ведь родился мертвым, не дышал совсем. Старая госпожа его за пятки подвесила, по заднице отходила — только тогда он и закричал. Если бы не это, у дяди... Кхм, в общем, Сяо Цзю для них — поздний ребенок, выстраданный. Вот над ним и дрожат пуще прежнего. К тому же сама Лаотайцзюнь велела делать ему поблажки. А дядя посчитал, что если малец станет раскатывать в собственном экипаже, это очернит доброе имя рода Ху. Вот и нашли лазейку — возить его на спине слуги. Ху Линь малый дюжий, за каждую такую ходку получает на шесть медных монет больше обычного, и всё это из личных сбережений тетушки.

Ху Юньшань крепко сжала руку онемевшей от удивления Фань Иньцы и зашептала:

— Я ведь только тебе, как лучшей подруге, это открываю, смотри не проболтайся! И без того все вокруг болтают, будто в нашей семье каждую монету до дыр затирают, а дочерей пристроить не могут — всё женихов перебирают, ни один не мил...

— Скажешь тоже! — Фань Иньцы рассмеялась и шутливо хлопнула подругу по плечу. — Уж не о замужестве ли ты размышляла? Гляди, в последнее время шестой принц так и крутится вокруг тебя. По мне, так его больше манит влияние Великого церемониймейстера, так что держи ухо востро.

— Да ну тебя, пустяки это, — отмахнулась Ху Юньшань. Она хотела сказать что-то еще, но заметила, что подруга посмотрела наружу, и осеклась.

Экипаж как раз проезжал мимо шедшего пешком Ху Яна. Сквозь щелку в занавеске, которую едва заметно приоткрыла служанка, Фань Иньцы мельком увидела его статную, благородную фигуру.

Она смущенно прикусила губу и обернулась, но тут же наткнулась на лукавые, смеющиеся взгляды Ху Юньшань и Фэнпяо. Девушка мгновенно покраснела.

Была она в этот миг подобна нежному персиковому цветку в лучах утренней зари — свежа, трепетна и невыразимо очаровательна.

Прошло полдекады, и всё случилось в точности так, как предсказывал Ху Пэй. Отношение к нему переменилось коренным образом. Благодаря изысканным манерам, мягкому нраву и неизменному дружелюбию — он никогда ни на кого не повышал голоса — многие искали его дружбы.

Особенно усердствовали девицы из академии. Возглавляемые Цай Цзыцзинь, они то и дело вились вокруг Ху Пэя. Из-за этого даже вечно ворчливому Чао Цо перепали редкие крохи благосклонности и ласковых улыбок от юной Цай.

Сам же Ху Пэй незаметно для всех приспособился выставлять перед собой живой щит в лице Чао Цо, Ми Цзяо и Юй Ланя.

Эта троица с величайшим упоением принимала на себя удар, собирая подношения: ароматные плоды, изящные безделушки и расшитые мешочки с благовониями.

Вскоре их тесная компания прославилась на всю округу. В Золотой столице их прозвали «четырьмя молодыми господами Белого Коня».

Вот только имени Чао Цо в этом почетном списке не значилось — четвертое место народная молва прочно закрепила за самой Цай Цзыцзинь.

Чао Цо, который каждый день корпел над книгами бок о бок с ними, страшно обижался, что его обделили славой. Пока однажды Ху Пэй не надоумил его, заметив как бы невзначай:

— Если бы ты нанял толкового учителя воинских искусств да согнал этот свой жирок, то с чертами лица госпожи Чао и статью господина сиши ты быстро затмил бы многих. С такой-то наследственностью ты не должен пасти задних.

Эти слова попали в самую цель.

Вернувшись домой, Чао Цо тут же закатил отцу, Чао Гану, скандал, требуя немедленно подыскать ему лучшего мастера рукопашного боя.

Наступил день отдыха. За стенами усадьбы буйствовала весна, утопая в нежном цветении абрикосовых деревьев.

В Дворике Нефритового Ириса Ху Пэй наконец-то смог перевести дух. Он лениво растянулся на кушетке у окна, подставив лицо ласковым лучам весеннего солнца.

Долгие дни упорной учебы не прошли даром — теперь он мог без запинки ответить на любой вопрос на грядущем экзамене в конце месяца. На душе стало легко.

Только если наставник останется доволен, он даст рекомендательное письмо для поступления в Государственный университет.

Прикрыв глаза, Ху Пэй лениво поглаживал мягкую шерстку Фэйбая. На душе было спокойно: хорошо, что этот лис в последнее время не устраивал никаких каверз.

В полдень, выводя иероглифы за письменным столом, он то и дело посматривал сквозь анфиладу комнат на кушетку у окна в спальне.

Почти месяц он старался держаться от зверя подальше, а тот, словно в отместку, целыми днями лежал пластом, не выходя из комнаты.

Если бы не едва заметное вздымание пушистого бока, можно было подумать, что лис издох.

Ху Пэй отложил кисть, бесшумно приблизился и приложил ладонь к мягкому, мерно вздрагивающему брюшку зверя.

— Живой, — негромко констатировал он.

Фэйбай издал тихое, утробное ворчание.

Повелитель Грома приоткрыл глаза. Он посмотрел на юношу своими темными, багрово-красными глазами.

Его божественная воля заставила лисье тело подняться. Белый лис спрыгнул на пол, направился к выходу во внутренний дворик и у самого порога обернулся, пристально глядя на Ху Пэя.

Ху Пэй приподнял бровь и усмехнулся:

— Всё еще надеешься затащить меня с собой? И не думай. Не пойду.

С этими словами он преспокойно вернулся к столу и продолжил выводить иероглифы.

Уж чего-чего, а терпения Ху Пэю было не занимать — за те сотни лет, что его душа скиталась в пустоте, он научился ждать как никто другой.

Повелитель Грома лишь мысленно вздохнул. До чего же упрямая и ленивая душа ему досталась! Просить ее о помощи — сущая мука. Настоящий ленивый лис.

Подчинив себе тело зверя, он стрелой вылетел из дворика.

Ху Пэй уловил легкий шорох. Он коснулся пальцами губ и тихо прошептал:

— Проследите за ним. Посмотрим, куда его несет.

В ту же секунду из-под камней искусственной горки у стены вынырнул серый мышонок. Встряхнувшись ото сна, он стремительной тенью припустил вслед за Фэйбаем, шурша сухими листьями.

Повелитель Грома в лисьем теле пробежал совсем немного, когда уловил позади семенящие шажки шпиона. Он обернулся, грозно оскалил клыки на грызуна, после чего помчался еще быстрее, устремляясь в глубину усадьбы.

Лис шмыгнул в западный флигель и побежал к заброшенному колодцу на заднем дворе. Вокруг колодца зеленели грядки, а само устье было накрыто тяжелым каменным жерновом. Под один из его краев была подсунута ветхая бумажка с небрежно намалеванным киноварью талисманом — кривым подобием оберега от злых духов.

Усадьба Ху в целом была местом чистым и благополучным, однако от этого колодца в западном крыле уже вовсю тянуло трупным холодом преисподней.

Повелитель Грома обошел колодец кругом. Заметив притаившегося у забора мышонка, он недовольно фыркнул и шевельнул лапой. Невидимая сила мгновенно подхватила грызуна и притянула к лису.

Мышонок отчаянно запищал, затрепыхался в воздухе.

Повелитель Грома безжалостно прижал лапку шпиона прямо к киноварным каракулям талисмана. Раздался громкий треск, полетели искры.

Шерстка на мышинном брюшке мгновенно обуглилась, запахло паленым, и бедный зверек, закатив глаза, лишился чувств.

Сам по себе талисман был безвредной пустышкой, но киноварь, смешавшись со скопившейся зловонной ци колодца, образовала причудливую печать-завихрение, которую требовалось разрушить.

Как только печать пала, из темного зева колодца клубами повалил ледяной туман преисподней.

Прикрыв багряные лисьи глаза, Повелитель Грома опустил переднюю лапу на замшелый край колодца и мысленно произнес:

«Врата Цзюю, откройтесь!»

Из-под земли поднялся призрачный черный вихрь, явив безмолвную фигуру в темных одеждах — бледного, безбородого чиновника загробной канцелярии.

— Спустись и запечатай томящиеся там души. Верни их в Девять Преисподних, — негромко повелел Повелитель Грома.

Мертвенно-бледный чинуша покорно склонил голову и беззвучно скользнул прямо в колодезную тьму.

Спустя мгновение он вынырнул обратно, сжимая в ладони две тускло мерцающие жемчужины душ. Шагнув обратно в призрачный вихрь врат, посланник подземного мира бесследно растаял.

Но не успел белый лис закрыть провал во тьму, как из черного марева медленно соткалась высокая, величественная фигура.

То был сам Повелитель Грома в своем истинном облики. Обутий в черно-белые шелковые сапоги, он ступал по призрачным нитям цветов сансары, расцветавшим под его ногами, — эта магия оберега защищала его божественную сущность от всевидящего ока здешних Небес.

Он сохранял ледяное спокойствие. Чуть шевельнув тонкими губами, он спросил:

— Он так и не желает возвращаться в свое тело?

— За те столетия, что душа Ху Пэя блуждала вне лисьего тела, он прожил несколько чужих жизней и сохранил память о былых перерождениях. К тому же его дух переполнен духовной силой, его нельзя увести силой, — тихо ответил белый лис, устремив взгляд на сгущающиеся в небесах грозовые тучи. — Тебе не следовало являться сюда во плоти. Границы мира Цзюньчжоу еще не открылись, воля здешних Небес искажена и фрагментарна. Она легко примет тебя, пришедшего из Девяти Преисподних, за чужака и сотрет в порошок молниями.

Повелитель Грома взглянул на небо и тихо, снисходительно усмехнулся:

— Пусть попробует.

Он добавил:

— Я запечатаю обитель Горы Накопления Грома в твоем теле. Сегодня ночью мы заночуем там. Мне нужно лично увидеть его душу, чтобы принять решение.

Лис послушно склонил голову. В ту же секунду с небес хлынул поток ослепительного духовного света, несущий в себе очертания колоссальной грозовой горы, окруженной

бушующим морем. Этот сияющий сгусток энергии беззвучно вошел в тело зверя, сокрывшись рядом с его внутренним ядром — демонической даньтянью.

Прежде чем Небеса успели заметить перемену, истинное тело Повелителя Грома обратилось в яркую искру и скрылось в этой тайной обители внутри лиса.

Набрякшие тучи над головой нехотя рассеялись.

Белый лис закрыл глаза, умиряя клокочущую внутри силу, и черные врата Девяти Преисподних окончательно захлопнулись под его лапами.

Лис уже собирался покинуть огород, как вдруг вспомнил кое-что важное. Он обернулся и посмотрел на забор.

Какое там! От оглушенного мышонка и след простыл.

«Скверно. Все эти мыши — уши и глаза Ху Пэя. Наверняка побежал доносить хозяину».

Во Дворике Нефритового Ириса Ху Пэй вместе с Минцуанем и Ху Суном стояли под навесом галереи, задрав головы к небу. Они заворуженно наблюдали, как прямо над усадьбой стремительно набухают грозовые весенние тучи, прорезаемые первыми вспышками молний.

Но не успели они обменяться и парой слов, как буря, так и не пролив ни единой слезы дождя, бесследно растаяла в вышине. Небо вновь стало чистым и лазурным.

— Ну и погода! Хмурится, грохочет, а толку чуть. Лето еще не пришло, а я уж думал, грибной дождь хлынет, — усмехнулся Минцуань.

Ху Линь, парень куда более приземленный, возразил:

— Какая там гроза, ни капли не упало! Небо гневается — видать, завелся в наших краях какой грешник нераскаянный.

«Пи-пи... Врата... призраки... лис... изгонял чертей...»

«Пи-пи... больно... как же больно...»

Услышав этот тихий писк в своей голове, Ху Пэй спустился со ступеней и подошел к искусственной горке у стены дворика. Там, прижимаясь к камням, сидел несчастный мышонок

с напрочь опаленным боком.

В этот момент со стороны ворот донеслось негромкое тявканье.

Услышав этот звук, перепуганный мышонок пулей юркнул обратно в нору.

Ху Пэй в легком изумлении обернулся к центру двора.

Ху Линь уже всю причитал:

— Батюшки, Фэйбай! Где ж ты так извалялся, чучело? Молодой господин терпеть не может грязи!

Ху Пэй тихонько шепнул мышинной норе:

— Спасибо тебе.

Затем он развернулся и неторопливо подошел к слугам, не сводя взгляда с белого лиса. Зверь смотрел на него в упор своими глубокими, багрово-красными глазами.

Не произнеся ни слова, Ху Пэй круто развернулся и ушел в дом.

Минцуань и Ху Линь озадаченно переглянулись и в один голос выпалили:

— Пойдем за водой!

Они притащили полные бадьи. Понимая, что его презирают за грязный вид, Повелитель Грома в теле лиса обреченно прыгнул сначала в ведро, потом в таз, терпеливо позволяя слугам отмыть шерсть, после чего хорошенько вывалялся в сухом мягком полотенце.

Тем временем в сокрытой внутри лисьего тела обители, на Горе Накопления Грома, истинный Повелитель Грома сидел на краю омываемого пенными волнами утеса.

Он тихо рассмеялся и слегка повел пальцем.

Чистейшая духовная сила хлынула сквозь защитный барьер обители прямо в каналы лисьего тела. Повинуясь воле его божественной души, магия мгновенно высушила и расправила каждую ворсинку на шкуре зверя.

Сидящий за письменным столом Ху Пэй внезапно замер, ощутив легкое колебание воздуха, и

устремил пристальный взгляд на стену, за которой находилась спальня.

— Надо же, как быстро обсох! — удивился Ху Линь, ощупывая белоснежный бок лиса. — И полотенце почти не намокло.

Минцуань тоже довольно улыбнулся, глядя на пушистого и чистого Фэйбая, собрал тазы и потащил грязную воду вон из комнаты.

Ху Линь бережно устроил лиса на мягкой кушетке и крикнул в сторону кабинета:

— Молодой господин, Фэйбай чист как первый снег!

— Хорошо. Можешь идти, — отозвался Ху Пэй.

Он аккуратно положил кисть на подставку, выдвинул ящичек стола и достал оттуда острый кинжал. Скрыв холодную сталь в просторном рукаве халата, он поднялся и с самым обыденным видом неторопливо направился к спальне.

<http://bllate.org/book/18313/1758966>